

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ

Стратегии интерпретации историко— географических образов России

Д.Н. ЗАМЯТИН

В данной статье рассматриваются специфика, генезис и некоторые закономерности развития историко-географических образов России. На ряде примеров исследуются геополитические, геокультурные и неэкономические аспекты этого процесса. Делается попытка представить в первом приближении образную историко-географическую карту России и изучить структурные особенности ее формирования. Формулируется прикладное значение настоящей темы для исследования основ региональной политики и государственного управления в России. Выявлены три ключевые стратегии интерпретации историко-географических образов России; дана их краткая характеристика. Проанализированы взаимоотношения пространства, власти и культуры в истории России. Введено понятие геократии, адекватно описывающее с образно-географической точки зрения процесс взаимодействия властных структур и контролируемого ими пространства.

Методы, способы, этапы освоения какой-либо территории восходят к общим архетипам, проявляющим себя в различных географических районах и странах; общие архетипы, или паттерны освоения территории претерпевают, испытывают определенные модификации, трансформации при их реальном использовании, применении в специфической географической среде. Формирующиеся вновь параметры географической среды исследуемого региона способствуют обогащению первоначальных архетипов освоения, обретению ими новых механизмов и мультипликационных эффектов. Историческая география какого-либо района, страны или глобального региона представляет, таким образом, систему взаимосвязанных уникальных территориальных **паттернов освоения**, имеющих основанием, субстратом общие закономерности формирования географической среды. Наиболее экономичные, эффективные паттерны освоения могут трансформироваться в **географические образы**, представляющие собой наиболее компактное, сжатое знание или сознание какой-либо территории, степень ее ментальной освоенности*.

* О концепции географических образов см.: [Замятин 1999д, 1998б, 1999в, 1999а, 1999б, 2000в, 2000б, 2000а, 2001в, 2001ж, 2001а, 2001е, 2001д, 2001г и др.].

Историко-географические образы

В течение XIX—XX веков история научилась «обращаться» с земным пространством. Она оперировала преимущественно с *понятием исторического пространства*, которое жестко соответствовало понятию исторического времени. Историческое пространство было «загружено» реальным географическим содержанием, но оно учитывалось лишь в связи с изучением конкретных исторических процессов — в тех или иных регионах, странах или местностях [Савельева, Полетаев 1997]. *Историческая география*, а в большей степени *геоистория* столкнулись с проблемой динамики географического пространства (пространств).

В геоисторическом исследовании — в том первоначальном виде, в каком оно сложилось, например, в трудах Фернана Броделя, — географическое пространство играет уже принципиально другую, самостоятельную роль по сравнению с классическими традиционными историческими подходами. П. Шоню справедливо заметил, говоря о знаменитой работе Броделя «Средиземноморье» (1949), что: «Средиземноморье оказалось — и это явилось потрясающим открытием — пространством без государства, пространством реальным, то есть пейзажем, диалогом человека с землей и климатом, извечным сражением человека с материальным миром вещей, без государственного посредничества, без ограничивающих права человека национальных пределов с их административной географией и границами» [Цит. по: Савельева, Полетаев 1997, с. 133—134]. В геоистории достаточно абстрактное историко-культурное пространство, географический фон, на котором происходят те или иные исторические события, превращается практически в одного из главных героев самого исследования (изменяясь, естественно, и качественно).

В своем последнем значительном труде — «Что такое Франция?» — Бродель говорит о значении географии для истории: «В том-то и состоит ценность географии, что благодаря ей действительность предстает перед нами во всей своей густоте и протяженности, во всем многообразии составляющих ее явлений, которые следует мысленно разъединить, но лишь для того, чтобы еще лучше понять, насколько тесно они связаны» [Бродель 1994, с. 20]. *Приключения географического пространства*, по-видимому, — это «соль» геоистории. Для геоисторического исследования наиболее важными объектами являются *историко-географические образы и их эволюция* (циклы зарождения, развития и естественной трансформации). При этом историко-географические образы (в отличие, например, от довольно специфических геополитических образов) могут формировать достаточно *плотное и устойчивое образно-географическое поле*, в котором динамика образа выражается просто в *наращивании последовательных страт, в закономерной и объемной стратификации этого поля*.

Особенно интересны историко-географические образы, которые возникают в *переходных зонах*, на стыках, в пограничных полосах. Теоретически мыслимы такие переходные зоны, которые могут быть *шире*, чем чистые зоны или ареалы, их разграничивающие [Родоман 1982, с. 22]. По отношению к родовому понятию географического образа историко-географический образ есть не что иное, как *явление переходное или производное* (это в какой-то степени аналог вторичных инструментов финансового рынка), которое как бы постоянно и надежно фиксирует свои собственные изменения. Поэтому и само *поле истории*

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

ко-географических образов (в идеале тождественное историко-географическому, или геоисторическому пространству) естественным образом *рельефно состоит из трендовых поверхностей и фиксирует изменения, динамику географического пространства географически*, организуясь «по образу и подобию» самого географического пространства [Родоман 1982, с. 23]. *Пороговые границы* (между качественно различными ареалами [Родоман 1982, с. 25]) способствуют созданию особого класса, или типа историко-географических образов (назовем их также *пороговыми*). Они, как правило, внутренне неоднородны, неустойчивы структурно и являются как бы эпицентрами возмущений, которые нарушают естественный рельеф образно-географического поля. Пример подобного рода — образ *хазарской границы*, который был предварительно предложен и описан автором как «зона борьбы, взаимодействия, переплетения различных географических представлений, сформированных в разных цивилизационных и культурных мирах и облеченных чаще всего в легендарно-визионерскую упаковку» [Замятин 1998а, с. 145—146]. Особый случай — так называемые *квазиграницы* (линии контраста или контакта разнородных явлений, слабо, неявно проступающие из континуальной фактуры земной поверхности [Родоман 1982, с. 29]). Здесь историко-географические образы слабо оформлены и представляют собой скорее «пятна», некие *символические рамки*, которые локализируют *terra incognita* образно-географического поля.

Таков первоначальный и весьма приблизительный набросок общей теории историко-географических образов.

Дополнением к этой теории может служить *анализ динамики географических представлений*. В структуру определенных географических представлений заложен, как правило, и *особый тип восприятия и понимания географического пространства*. Каждый подобный тип восприятия, или понимания пространства формирует своеобразную *ауру, шлейф* или *плазму*, в которой складываются основные качественные характеристики того или иного историко-географического образа. Например, средневековые географические представления в Западной и Северной Европе отличались резко выраженной спецификой понимания пространства, как-то: представление географического пространства как пространства отдельных точек (локусов), незаполненность «промежуточного» пространства, однородность различных локусов, ориентация не по реальному направлению, а относительно административно-территориального деления страны, откуда двигался путешественник; подвижность топонимов, переплетение бытовых и мифологических представлений [Мельникова 1998, с. 12, 14, 196—197, 203, 206—207]. Поэтому вполне возможно построение различных образно-географических полей с *поправками* и даже *определенными коэффициентами*, которые связаны с *динамикой географических представлений*.

История России: пространство, власть и культура

Попытаемся предварительно оценить с историко-географических позиций особенности взаиморазвития пространства, власти и культуры в истории России [Замятин 1999г, с. 115—141]. В различных концепциях русской истории пространство играет важную роль — вспомним теоретические построения Соловьева, Ключевского, Павлова-Сильванского, Платонова, Преснякова, Готье, Вер-

надского и других русских историков. Геоисторическое пространство Руси—России как бы играет с властью. На метафизическом уровне очевиден турбулентный, неравновесный характер российского пространства и российской власти в динамике их взаимоотношений на протяжении нескольких сотен лет*. Такой подход оправдан и с позиций концепции географических образов: в образно-географическом смысле можно говорить именно о власти пространства и пространстве власти. При анализе истории России уместно даже говорить о *геократии*, когда власть осуществляет самое себя, репрезентирует и интерпретирует себя посредством манипулирования определенным пространством [Замятин, Замятина 2000, с. 104; Замятин 2001б, с. 16].

В то же время само пространство, подвергающееся подобному контролю, видоизменяет эту власть, в свою очередь контролирует ее и становится в известном смысле этой самой властью, отождествляя себя с ней. Яркое выражение такого процесса — это произведение великого русского писателя Андрея Платонова, особенно вершина его творчества — роман «Чевенгур». В этом романе пространство и законы его развития становятся фактически основой, мощным двигателем сюжета, поведения и действий его главных героев. В содержательном плане роман «Чевенгур» — олицетворение фундаментальных историко-географических образов России. Моя работа об этом романе так и называется: «Империя пространства» [Замятин 1999б]; впоследствии этот заголовок был использован для названия подготовленной к печати хрестоматии по геополитике и геокультуре России [Империя пространства, в печати].

Образно-географические интерпретации развития России тесно связаны с «историей власти» в России. Здесь в первую очередь важны отношения власть — земля, власть — управление, а также территориальные властные иерархии [Павлов-Сильванский 1988, с. 168—178, 201, 472—473]. В поле зрения образно-географических интерпретаций должна попадать проблема «завязанности» этих властных отношений на географические образы, осмысленные типологически. Так, например, уже исследованные в первом приближении исторический институт ходоков и его роль в территориальной организации власти в России [Кирдина 1998] позволяют проследить, почувствовать как бы физический стержень властного пространства, его политико-географическую анизотропию.

Очень своеобразным, например, было становление *геополитического образа Руси—России*. Этот образ долгое время формировался как *имперский*, причем он был достаточно дробен (процесс разграничения различных типов внутриимперских владений-доминиумов — край, область, волость, вотчина, уезд, поместье), но одновременно ему были свойственны черты островитянства, изолированности, отделенности от внешнего мира [Цымбурский 1993; Ильин Указ. соч. С. 234, 239, 369]. *Образ буферной или фронтирной империи* (как можно представить Россию) породил и особую *геополитическую формулу русской судьбы*. Это явно *центростремительная модель*: отдельные области Руси как бы самообразуются, представляя собой отдельные островки, а сама Русь, расширяясь, тут же или постепенно превращает присоединенные территории в те же остро-

* Для выявления стратегий интерпретации историко-географических образов России весьма интересна концепция Русской системы Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, изложенная наиболее полно в статьях, опубликованных в «Русском историческом журнале»: [Пивоваров, Фурсов 1998а, 1998б, 1998в; Пивоваров 1998а, 1998б].

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

вки, которые стремятся самозамкнуться, но в пределах «острова Россия» (Ильин М. В. Указ. соч. С. 375-376]. В данном случае мы видим фактически достаточно автономный механизм порождения или воспроизведения стандартных, как бы штампованных геополитических образов (своеобразных *матрешек*), условием развития которых является именно *пограничность* (понятая как быстрое и своевременное выделение, а затем и отгораживание от окружающего мира).

Теософия, которую можно понимать как дисциплину, изучающую и интерпретирующую *большие пространства* [Страда 1997, с. 111], вполне очевидно представляет собой не аналог историософии, как можно было бы заключить в рамках хорологической концепции, но *нечто более протяженное и расширенное в концептуальном смысле*. *Культурно-историческая геополитика* (синоним геософии), по мнению Страды, изучает макространства (или ареалы), «...характеризующиеся не только пространственным, но и временным динамизмом, и связанные друг с другом отношением притяжения и отталкивания, в зависимости от специфических особенностей, составляющих неповторимый облик каждого такого ареала и определяющих его судьбу внутри общности, именуемой "человечеством", причем не в чисто биологическом смысле» [Страда 1997, с. 111]. Универсальные геополитические (или теософские, сколь бы странным ни казалось это название) образы призваны, видимо, эффективно, очень компактно «сжимать» традиционное географическое пространство, «сжимая» параллельно и его конкретные временные характеристики (подробнее об этом — в следующем разделе). Любая власть или властные структуры по своей природе ориентированы как бы на формирование своего собственного *приватного пространства* — *пространства власти*, которое может отнюдь не ограничиваться реальными государственными рубежами. Подобное отношение к географическому пространству было очень характерным для России: «...власть осмысливала пространство своего воспроизводства как лишенное пределов, *бесконечное*» [Королев 1997, с. 136]. Российские власти всегда стремились как бы опередить, хотя бы на шаг, ход реального расширения территории, поглотить еще не завоеванное или еще не присоединенное пространство путем строительства системы кордонов и крепостей [Королев 1997]. Укрепленные линии, эти как бы живые и пульсирующие постоянно *геополитические пунктиры*, «*нервы*», были, по сути, индикатором или меткой очередного расширения и собственно базовых, *геософских образов России и Российской империи*. Мозаика таких теософских образов как бы поддерживает на весу геополитическое «тело» России, позволяет создать системный эффект (своего рода «*радиоактивное свечение*») на основе их пересечения и взаимодействия [Салимое 1997].

Базой для развития тех или иных направлений образно-географических интерпретаций становления России является ее геокультура. В определенном смысле вся культура России, историко-культурные корни российской государственности и политической традиции рассматриваются здесь как геокультура. Под геокulturой понимаются процесс и результаты развития образов пространства в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления образов пространства. Другими словами, культура как бы коллекционирует определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации.

Историко—географическая образная карта России

Попробуем дать определение историко-географической образной карты России. Итак, это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих историко-географических образов Восточной Европы, Северной Евразии, Центральной Азии, Кавказа, формирующих образно-географическую карту политического, социального, экономического и культурного становления России. Как анализировать эту карту? Естественно, следует анализировать подобное подобным, то есть проводить образно-географический анализ такой карты.

Важнейшие элементы карты становления России — геополитические и геокультурные образы страны, взятые в их динамике. Полноценный анализ этих элементов опирается на исследование образно-географических контекстов становления России.

Динамичная образно-геополитическая система страны является, как правило, аналогом неравновесной термодинамической системы, в которой кратковременные равновесные состояния сменяются закономерными периодами турбулентности и быстрых трансформаций. По сути дела, страновая образно-геополитическая система — это арена столкновения, борьбы и взаимодействия порой довольно различных и разнородных геополитических образов, имеющих под собой иногда и разные геокультурные фундаменты. Геополитические и геокультурные образы одной и той же страны на протяжении исторической эпохи, достаточно длительного исторического времени могут вступать между собой в известное противоречие [*Грузински* 1993, с. 65—85], но именно эта разветвленная «цепочка» и позволяет осознать образно-геополитические страновые системы как динамичные геоисторические протяженности, «длительности» по Фернану Броделю. Системные исследования геополитических образов России обязательно должны учитывать подобную «длительность», естественно «переваривающую» их противоречивость и неоднозначность.

Рассмотрим в первом приближении ключевые геополитические образы России (далее — ГПО). Но прежде необходимо дать развернутое определение геополитического образа. Под ним нами понимаются целенаправленные и четко структурированные представления о географическом пространстве, включающие наиболее яркие и запоминающиеся символы, знаки, образы и характеристики определенных территорий, стран, регионов, маркирующие их с политической точки зрения. Речь в данном случае идет о фактическом отождествлении определенного географического пространства с конкретной, проводимой кем-либо политикой. Следует сразу отметить, что ключевые ГПО характеризуются наиболее целенаправленными геопространственными представлениями и наиболее мощными используемыми территориальными и страновыми символами и знаками.

Теперь определим, в достаточно сжатой формулировке, понятие ключевого ГПО. Ключевой ГПО — это образ, оказывающий решающее и долговременное влияние на структурирование остальных ГПО, а также формирующий и в значительной степени скрепляющий общее образно-геополитическое пространство (пространство ГПО).

Перейдем к характеристике ключевых ГПО России, сложившихся в течение длительного времени — по крайней мере, в пределах II тысячелетия, н.э.

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

Первый из них — так называемый остров Россия, впервые выделенный и подробно описанный В.Л. Цымбурским как устойчивый архетип геополитического развития России [Цымбурский 1993; Ильин 1995]. В связи с этим мы не будем подробно останавливаться на его характеристике — укажем только, что этот ГПО во многом базируется на этнокультурных, цивилизационных и языковых особенностях развития Древней Руси и средневековой России, предопределивших аутентичность самого образа [Цымбурский 1997].

Следующий ключевой ГПО — это Россия—Евразия, детально раскрытый и проработанный в рамках концепции евразийства в 1920—1930-х гг. [Савицкий 1997; Вернадский 1996—1997]. Здесь был сделан важный переход за рамки традиционных геополитических возможностей России. По сути, используя историко-географические основания, евразийцы создали мощный геополитический образ, потенциально позволяющий разрабатывать достаточно масштабные и разнообразные геостратегии.

Несколько ранее был осознан и транслирован вовне другой ключевой ГПО — Россия-и-Европа, или Россия как Европа [Зимин 2000]. Если в историософском плане этот образ был проработан в основном уже в XIX веке, то в политическом и культурном смысле понимание России в первую очередь как европейской страны и державы было заложено по преимуществу в XVII—XVIII вв. Очень важно отметить, что Россия воспринималась и воспринимается во многом как маргинальная, пограничная, фронтальная страна Европы, во многом схожая, например, с Испанией — прежде всего, конечно, на историко-культурных основаниях. В более широком контексте российская и латиноамериканская (ибероамериканская) цивилизации типологически относятся к пограничным [Семенов 1994; Сравнительное изучение 1998].

Также на цивилизационной основе выделяется следующий ключевой ГПО — Византия. В данном случае его происхождение очевидно: Россия входила в византийский культурный круг; российскую цивилизацию можно также назвать и византийско-православной [Оболенский 1998]. Очевидно, что ГПО Византии играл немалую роль в формировании внешней политики России XVIII—начала XX вв., включая «Греческий проект» Екатерины II [Зорин 2001; Елисеева 2000] и планы захвата Константинополя в Первую мировую войну.

С ГПО Византии тесно связаны такие «сконструированные» ключевые ГПО России, как Скандовизантия (термин принадлежит академику Д.С.Лихачеву) и, возможно, менее значимый, Славотюркика (термин принадлежит Г.С.Лебедеву) [Лебедев 1995]. Здесь мы имеем дело с феноменом интенсивного международного политического и культурного взаимодействия в течение нескольких веков на территории современной России, что, несомненно, существенно повлияло на ее геополитическое самоопределение и развитие. Образ-архетип по отношению к этим ГПО — это, конечно, «мост», или «страна-мост». В то же время благодаря выделению этих ГПО можно достаточно четко зафиксировать главные векторы политико-культурного влияния, действовавшие на территории современной России.

Среди ключевых ГПО России — также Восточная Европа [«Особая папка НГ» 1999; Игрицкий 1998]. Несомненно, само понятие и образ Восточной Европы неоднократно менялись на протяжении особенно XX столетия, включая порой совершенно различные страны и страновые и региональные образы. Однако, несмотря на всю расплывчатость и изменчивость этого ГПО, он оказал и

продолжает оказывать сильное влияние на формирование внешнеполитического имиджа России. Историческая память здесь используется напрямую, поскольку и Киевская Русь, и Московское государство XVI—XVII вв. достаточно ясно осознавали свое геополитическое положение в рамках Восточной Европы.

В состав ключевых ГПО России входит и Украина, хотя он в значительной степени пересекается с самим образом России (если рассматривать его как систему взаимосвязанных геосторических, геокультурных и геополитических образов). Серьезное отличие от предыдущих ключевых ГПО состоит в том, что Украина, очевидно, является структурным ГПО и оказывает непосредственное влияние на весь механизм деятельности и функционирования ключевых ГПО России. Основания для подобной характеристики — в тесно переплетающихся политических историях и политических географиях России и Украины, зачастую составлявших фактически единое целое (от истории вхождения территории Украины в состав России до создания Украинского государства в результате распада СССР) [Ильин 1998; Колосов 1998; Дергачев 1998; Мошес 1998]. В конечном счете ГПО Украины во многом определяет соотношения различных ГПО России, их взаимную дислокацию и размещение в образном геополитическом пространстве.

Историко-географические образы России переплетаются, пересекаются, входят друг в друга, способствуют взаиморазвитию, экспансии, коллапсу и/или уничтожению друг друга. Историко-географическая карта России представляет собой постоянные трансформации составляющих ее образов; это анимационная картина. Самое главное здесь — анализировать и синтезировать историко-географические образы на метауровне. Например, географические образы Восточной Европы, Византии и Украины воспринимаются на метауровне как мощные геокультурные контексты развития России в целом. Рассмотрим их подробнее.

Образы Восточной Европы и Византии. Восточная Европа — тот регион мира, чьи географические образы одновременно оказываются под вопросом и тасуются, как карты, бесконечно. Географическая самоидентификация региона — это строгая иерархия его образов, которые могут меняться, модифицироваться, стираться, однако место на образно-географической карте сохраняется. Но место Восточной Европы на этой карте порой видится «белым пятном». Почему это так?

Геокультурные образы Восточной Европы (именно они играют главную роль в ее самоидентификации) как бы смещены на периферию образно-географической карты Европы. Восточная Европа сомнительна — сомнительна в том плане, что все образы, кои должны или могут ее представлять, изначально и по преимуществу — «варяги». Восточная Европа как генеральный геокультурный образ — это «объедки с барского стола» Средиземноморья, Скандинавии, Западной Европы, Римской империи, Золотой Орды и Византии [Шенк 2001]. Последнее особенно важно.

Проблема византийского наследия существует в той мере, в какой сам геокультурный образ Византии существует в образно-географической структуре Восточной Европы. Восточно-Средиземноморский по преимуществу, геокультурный образ Византии движется с юга и как бы «объужает» весь образ Восточной Европы — она становится более южной, более причерноморской и даже более западной. Действительно, Восточная ли Европа Заволжье или Башкирия? Физико-географический (или традиционно-географический) ракурс в данном случае лишь «материнская порода». Если образ Византии (пульсирующий по сути во времени и

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

этим живущий) становится все более жизненным и актуальным (с точки зрения геокультурной практики и геокультурной политики), то он оттесняет тем самым соседние, порой не менее важные в прошлом образы Восточной Европы — тот же весьма яркий локальный геоисторический образ Скандовизантии.

Этно- или национально-географические образы Восточной Европы (прежде всего Руси, России, Польши) одновременно и членят, разрывают единое образно-географическое поле Восточной Европы, и формируют его «ткань», его наиболее яркие «узоры». Геокультурная история Восточной Европы естественным образом испытывает дефицит связанных цепочек, систем, комплексов устоявшихся геокультурных образов, постоянно разрушавшихся и разрушающихся в результате частых военных, политических или дипломатических вторжений. В этой ситуации геофизические образы Черного и Балтийского морей, да и Карпат являются, пожалуй, самыми совершенными синонимами, а может быть, и суррогатами наиболее устойчивых геокультурных образов Восточной Европы.

Память о Византии, актуализированная и географически артикулированная, — это очень органичный инструмент образно-географического «строительства» Восточной Европы. Геополитическая и геокультурная практика Византии была связана с очень тонким структурированием географического пространства, попавшего в сферу ее влияния [Оболенский 1998]. Парадокс заключается в том, что относительно небольшая по территории в поздний период своего существования Византия «размазывала» свой образ на большие пространства юго-западного «угла» традиционной в географическом смысле Восточной Европы. Реальная Восточная Европа как бы сжималась до масштабов византийского образно-геокультурного поля.

Пространство Византии — каким оно сформировалось за тысячу лет — оказалось очень пластичным и реактивным. Оно втягивало в себя венфов, половцев, печенегов, болгар, чехов, сербов, хорватов, русских, скандинавов, румын, армян, грузин. Геополитические пульсации византийского пространства, которые были связаны с нашествиями различных народов, привели к его очень тонкой структуризации, от ядра к периферии. Административно-территориальная организация ядра Византийского государства, создание фемов на вновь завоеванных территориях, иерархическая система византийских титулов и обращений к разным союзным властителям, расчленение периферии на несколько специализированных геополитических зон (например, Северное Причерноморье) — все это способствовало политическому «долголетию» Византии.

Характерно, что народы, которые попали в культурную и политическую орбиту Византии, на пиках своего политического подъема без всяких сомнений заимствовали все геополитические инструменты своего «патрона». Так поступили в первую очередь болгары и сербы, которые в XIV веке даже столкнулись между собой в попытке как можно быстрее завладеть имперским наследием Византии [Оболенский 1998, с. 253—289]. Интересно, что идеальным центром имперского господства на Балканском полуострове был город Скопье, и в период сербской экспансии он чуть было и не стал таковым [Оболенский 1998, с. 267]. Сам же центр Византии — Константинополь — находился как бы на периферии различных географических регионов, где Византия проводила свою имперскую политику, — Балканского полуострова, Малой Азии, Причерноморья. Геополитическое пространство Византии как бы вывернуло наизнанку физическую географию подвластных ей территорий.

Геокультурное могущество Византии возросло в противофазе геополитическому. В той мере, в какой постепенно сокращалось ее геополитическое пространство, расширялось пространство геокультурное, долговременность которого оказалась куда большей [Оболенский 1998, с. 289—309]. В период своего наибольшего могущества Византия политически не оказывала серьезного влияния на Русь, но по мере византийского политического «дряхления» ее культурное влияние проглядывало все более и более. Даже после падения Византии московские князья долго не решались посягнуть на права константинопольского патриарха, а после учреждения московского патриархата в 1589 году чин московского патриарха ставился ниже всех других православных патриархов.

Геокультурное пространство Византии было, по существу, еще более пластичным и гибким, нежели геополитическое. Оно продолжало функционировать в автономном режиме и после падения Византийской империи, хотя основные культурные связи Византийского Содружества Наций были как бы отжаты, отодвинуты Османской империей на север Балкан и на Русь, в пределы Сербии, Румынии, Молдавии и Московского государства. Это геокультурное пространство имело, в отличие от геополитического, довольно «мягкую» структуру, внутренние культурные границы представляли собой скорее ряд переходных геокультурных зон — таковой, например, была культурная граница между восточносербским и западноболгарским искусством — прочертить ее в виде линии на географической карте невозможно. Основными проводниками геокультурного влияния Византии были, естественно, ее церковные иерархи, поставляемые на периферию православного круга. По образному замечанию одного из современных греческих историков, как указывает Д. Оболенский, византийские епископы XII века представляли собой людей «двойного естества и двух языков» [Оболенский 1998, с. 460]. Кроме этого, исключительно важную роль (своего рода «кровеносной системы») византийского геокультурного пространства) играл древнецерковно-славянский язык, созданный как бы по заказу Византии для нужд ее геокультурной периферии. Со временем этот язык в немалой степени поспособствовал сохранению и консервации византийского культурного наследия. Византийское геокультурное пространство было во многом космополитическим: на Афоне уживались вместе греческие, русские, сербские, румынские монахи, а различного рода переписчики и переводчики священных книг православия на национальные языки создавали цепь эффективных культурных коммуникаций, которые пронизывали это пространство, «насыщали» его и делали более «плотным».

Геокультурное и геополитическое пространства были хорошо взаимосвязаны между собой. Естественное сращивание светской и духовной власти в рамках Византийского Содружества Наций привело к обретению Византией своеобразного метаполитического «мессиджа» — идеи Вселенской Восточной Римской империи. Наиболее четко эта идея была оформлена в послании вселенского патриарха Антония московскому князю Василию I (между 1394 и 1397 годами) [Оболенский 1998, с. 281]. После падения Византии Московская Русь очень удачно «перехватила» этот «мессидж», но, как метко заметил Д. Оболенский, русская внешняя политика следовала в реальности не декларируемой идее «Москва — Третий Рим», а скорее «Москва — второй Киев» [Оболенский 1998, с. 391]. Во внешнеполитическом плане Московское государство очень быстро отошло от византийского наследия, и судьба Максима Грека и его идей на Руси впол-

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

не закономерна, как считает ученый. Отторжение идей Максима Грека и его длительное заключение — это наглядное проявление русской Realpolitik, которой, по сути, не было дела до захваченного турками Константинополя.

Серьезным противовесом этому византийскому полю могли быть лишь более локальные и менее фундированные геокультурные образы Скандинавии и Средней (Центральной) Европы [Миллер 2001]. Принятый в современной политической географии термин «Центрально-Восточная Европа» является столь явным и политизированным компромиссом, что вполне четко обнажает зазор, «ущелье» между этими образно-географическими полями. Трансляция древней идеи Рима, средиземноморской по своей сути (см. также интересное исследование Вадима Цымбурского о геополитических воззрениях Федора Тютчева) привела к ее сильнейшей архаизации, с одной стороны, и значительной трансформации — с другой. Глубоко вторичная идея «третьего Рима», которая муссировалась не только Москвой, но и Прагой, есть не что иное, как явный индикатор образно-географической экспансии Византии. Византия — это Восточная Европа, облеченная в «одежды» Древнего Рима.

Действительная работа по образно-географическому моделированию Восточной Европы (коль скоро это может быть важным и даже одним из центральных элементов образно-географического исследования Русской системы) связана с точным оконтуриванием ее образно-географического поля, структурированием этого поля вокруг, очевидно, пока базового образа Византии, а затем и с активной артикуляцией «веера» наиболее ярких образов Восточной Европы — не столь автохтонных или оппонирующих географическим образам Западной Европы, сколь генетически устойчивых в историко-культурном контексте и порождающих все новые производные образно-географические «цепочки».

Образы Украины. Что такое Украина? Понимание Украины связано прежде всего с ее образами. Эти образы должны рассматриваться как географические, ибо именно географические образы разрешают задачу широкого концептуального контекста, в котором исследуются ключевые образы любой страны. Географические образы страны активно взаимодействуют друг с другом, создавая периодически, в зависимости от определенной точки зрения, своего рода образные «бриколажи», по Леви-Стросу. Такие «бриколажи» — это моментальные «фотографические снимки» географического образного пространства, которое формируется ключевыми образами, или концептами страны.

Какие образы определяют параметры, масштаб самой Украины? К ключевым масштабным географическим образам Украины, несомненно, относятся образы Восточной Европы, Византии, Европы в целом, а также образы России, Турции, Польши и даже Швеции. Их взаимодействие, которое можно представить как волновое, ведет в результате к решающим трансформациям географического образного пространства Украины, по крайней мере, в течение последнего тысячелетия. Интерференция масштабных образов ведет также к созданию метаобразов, которые наиболее экономно представляют Украину в течение длительных исторических периодов. Таким метаобразом можно считать образ Большой границы Украины, или образ фронта Восточной Европы.

Кроме масштабных образов Украины, выделим образы, или символы, задающие внутренние параметры страны, как бы определяющие ее идентичность. Среди них есть как собственно географические образы — такие, как Днепр, Киев, Львов, степи, Северное Причерноморье, так и негеографические обра-

зы, характеризующие историю и культуру страны, — например, образы Богдана Хмельницкого, Григория Сковороды, Гоголя, литературного героя Тараса Бульбы, бытовых, фольклорных и традиционных культурных символов — гопака, горилки, украинской мовы и т. д. Складывается гетерогенное образное пространство, которое видоизменяется как под воздействием внешних образов, так и в результате собственного расширения.

Образы Украины могут постоянно транслироваться вовне — например, в сторону образов России или Европы, изменяться под их воздействием и возвращаться обратно, меняя при этом конфигурации образного пространства Украины. Образные траектории, имитируя «полет бумеранга», формируют закономерные пульсации образов, калейдоскоп, своего рода «украинские картинки».

Геополитические образы Украины. Современные геополитические представления об Украине складываются во многом из двух источников: это глобальные представления о роли Украины в Европе и в Евразии, в основном исходя из представлений американского геополитика Збигнева Бжезинского, и представления украинских геополитиков, базирующиеся на достаточно примитивно понятом патриотизме и имеющие весьма отчетливую антироссийскую направленность. Барьерность, пограничность Украины начинает толковаться довольно односторонне: подразумевается, что Украина — это край, граница Европы, и в то же время барьер против России и Азии. Здесь мы наблюдаем известное укрупнение и даже огрубление образов Украины, но эти образы не качественны с методологической точки зрения.

Доминирующие в настоящее время геополитические образы Украины на редкость вторичны и несамостоятельны, содержательность их невелика. По сути, они вторичны по отношению к образам России, Европы, НАТО, Европейского Союза, США. Главная причина этого — их оторванность от историко-географического фундамента, отсутствие в основе убедительных и корректных историко-географических образов. Отсутствие таких структурированных историко-географических образов Украины ведет и к малой связности, разорванности, фрагментированности ее современных геополитических образов.

Что необходимо сделать для создания достаточно ярких, эффективных и надежных геополитических образов Украины, сцепленных в единое геополитическое пространство? Наиболее верный в методологическом отношении путь — это актуализация, как бы подъем со дна важнейших историко-географических образов, работающих в образном пространстве Украины, — образов Византии, Швеции, Польши, Литвы, Молдовы, Трансильвании, Московского государства, Австро-Венгрии (порядок перечисления не связан с их иерархией). Необходимо актуализировать также и более масштабные историко-географические образы — такие, как Центральная Европа, Восточная Европа, Центр Восточной Европы.

Связывание этих образов в единую сеть — второй этап позитивной работы. Далее необходимо выделить ведущие образы, своего рода «моторы», способные обеспечить динамику геополитического образного пространства Украины. С нашей точки зрения, один из таких «моторов» — это, конечно, образ Центра Восточной Европы. Именно его следует развивать на основе уже проделанной работы по формированию общих контуров геополитического пространства. Если удастся создать один или несколько таких образных «моторов», то возможно создание уже устойчивого геополитического метапространства Украины, которое «под себя» структурирует или трансформирует первоначально отобранные

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

геополитические образы, создавая новый контекст и для соседних, смежных геополитических пространств.

Геокультурные образы Украины. Геокультурные образы страны — это основа, самая важная часть ее географического образного пространства. Они тесно связаны и интенсивно взаимодействуют с геополитическими образами страны, а иногда даже переплетаются с ними: один и тот же образ в зависимости от интерпретации может трактоваться и как геокультурный, и как геополитический. Геокультурные образы страны создают определенные ориентиры, векторы образного развития, с их помощью возможно также конструирование специфических геокультурных и/или геополитических стратегий.

Какие геокультурные образы Украины можно считать наиболее важными? Здесь следует учесть, что ее территория — это ключевой ареал многих историко-культурных явлений Восточной Европы. Среди таких наиболее важных образов — православие, Украина как культурный посредник между Речью Посполитой и Московским государством, барочная культура, украинская ученость, запорожское казачество, Дикое Поле, кочевые культуры Северного Причерноморья, переплетение кочевых и земледельческих культур, первичный ареал расселения индоевропейцев, естественный «коридор» между Азией и Европой, главное звено геокультурной оси Балтика—Черное море. Взаимодействие и переплетение этих образов создают единую геокультурную образную панораму, в которую вмещается даже визит крымского хана ко двору шведского короля.

Совокупность ключевых, наиболее интенсивных геокультурных образов Украины путем их концептуального уплотнения, сжатия должна сформировать образное ядро страны. Состав этого ядра периодически может меняться, но так или иначе оно диктует определенные контуры, рельеф образного пространства страны в целом. Здесь надо говорить о геокультурных образных циклах, которые возникают и развиваются при периодических концептуальных изменениях образного ядра, ведущих к постепенным изменениям образного рельефа страны. Содержание такого цикла — отдаление, дистанцирование вновь вошедших в ядро образов и их освоение, усвоение, «домашнивание». Пик каждого подобного цикла — в формировании оптимального на данный период геокультурного образного рельефа страны в результате «одомашнивания» очередного масштабного ядерного образа.

Исследования историко-географических образов страны на микроуровне. Образно-географическое пространство страны складывается, как правило, из десятков и сотен мелких и мельчайших локальных и региональных образов — именно они составляют единую культурно-географическую ткань. Рассмотрим пример одного, довольно небольшого по территории, современного района Калужской области — Козельского [Живая культура 1999].

Территория Козельского района в течение нескольких веков была переходной зоной, границей, фронтиром — политике-, культурно-, экономика-географическим. Наряду с Брянщиной, Черниговщиной, Смоленщиной южные районы современной Калужской области попали как бы и в безвременье, и — в «беспространствие», в образно-географическую «черную дыру». Предмет постоянных польско-русских раздоров и татарских набегов, поле почти незаметного русско-украинско-белорусского культурного контакта, Козельский район в то же время оказался пространством этнокультурной консервации — благодаря «укромной» физико-географической обстановке (густые леса, мелкая реч-

ная сеть) и, что, возможно, еще более важно, — за счет стягивания или сползания сюда наименее важных для соседних территорий образно-географических компонент. Статьи сборника, посвященные песенному фольклору [Колесник 1999; Щуров 1999], местным промыслам — гончарному и стекольному [Ведерникова 1999; Мусина 1999], этнокультурным маргинальным сообществам — молоканам-переселенцам и цыганам [Никитина 1999; Черенков 1999], наглядно демонстрируют образно-географическую фрагментарность, во многом архаичность — образно-географическую «надерганность» этой территории. Но именно поэтому Козельский район стал уникальным образно-географическим «заповедником», в котором сочетаются классические образы заброшенных деревень с оазисами народного культурного творчества, помещичьих усадеб (родовое имение князей Оболенских село Березичи) и притягательных своими сакральными тайнами монастырей (Шамординский монастырь — Казанская Свято-Амвросиевская женская пустынь).

Различные по генезису и времени происхождения географические образы часто сосуществуют на одном и том же пространстве. Такое образно-географическое пространство выглядит многослойным, организованным по принципу сложного и многоэтажного «бутерброда». Козельское Полесье, территория на границе Калужской, Тульской и Орловской областей, оказалось подобным образно-географическим «Клондайком» с точки зрения народного песенного творчества. Здесь наложились различные исторические пласты — от раннего и позднего средневековья Московской Руси до современности. Но важно и другое: именно здесь были заложены традиции южнорусской музыкальной культуры — со времен возведения в этих местах в XVI веке Тульской засечной черты [Щуров 1999, с. 91]. Район былой культурной инновации превратился спустя четыре столетия в место глухой фольклорной консервации; образ территории, осуществлявшей явную культурную экспансию на юг, сменился образом затерянного, ориентированного вовнутрь, сжимающегося, как шагрeneвая кожа, культурно-географического пространства.

Прикладные исследования традиционной культуры имеют особую ценность с образно-географической точки зрения. Благодаря четкой фиксации того или иного признака традиционной культуры на изучаемой территории в течение длительного времени, ареала его распространения и качественных трансформаций возможно и детальное исследование динамики историко-географических образов в геокультурном аспекте, их структуры, сжатия и/или расширения.

Для более полного понимания особенностей и закономерностей развития историко-географических образов России необходимо также обратить внимание на формирование ее региональной политики и государственного управления.

Геоэкономика, региональная политика и государственное управление в России: историко-географический контекст

Историческое развитие региональной политики и государственного управления в России рассматривалось многими российскими историками на примере различных исторических эпох и регионов России [Готье 1913—1941; Носов 1957;

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

Леонтьев 1961; Зимин 1972, 1982, 1991; Рафиенко 1973; Ермолаев 1982; Киняпина 1983; Ремнев 1994, 1997, 2001а, 2001б; Суворова 2001; Абашиш 2001; Циунчук 2001; Паишкова 2000]. Но историко-географические особенности и аспекты региональной политики и государственного управления в России в целом пока не изучались в качестве самостоятельного объекта (предмета) исследований. *Актуальность и необходимость* исследования этой темы обусловлены **тремя важными обстоятельствами**. **Первое** — это уникальное географическое разнообразие территории Российского государства и различие исторических судеб его отдельных регионов, которые «обеспечивают» богатый набор возможных отношений центра и регионов. **Второе** — практическое значение изучения подобных аспектов в современных условиях усиления внимания к выработке перспективной региональной российской политики и региональных вариантов государственного управления. **Третье**, весьма немаловажное обстоятельство — это очевидный подъем отечественной региональной науки (регионалистики) в последние несколько лет, в структуре которой проблемы регионального управления занимают одно из главных мест.

Историческая геоэкономика России. Рассмотрим в первую очередь историко-геоэкономическую специфику развития России, оказавшую, несомненно, свое влияние и на становление региональной политики страны. Вышедшая недавно книга российского историка Л.В. Милова позволяет уверенно говорить о рождении новой отрасли отечественной науки — исторической геоэкономике [Миров 1998].

Хотя основная часть книги построена на детальнейшем и подробнейшем исследовании развития русского сельского хозяйства в XVIII веке, тем не менее это позволяет ученому сделать ряд глобальных геоисторических выводов. Русское государство, в трактовке Милова, представляло собой на протяжении многих столетий, по сути, странствующую машину, в которой природно-географическое пространство было тесно увязано с формами хозяйственного освоения территории и государственного управления [Миров 1998, с. 557]. Так, классическое российское крепостничество являлось особой геоэкономической формой организации огромного государства, которая была наиболее эффективной с точки зрения политической. Сильнейшая фрагментация природно-климатических условий на территории Восточно-Европейской равнины, в целом неблагоприятные условия для развития земледелия привели к тому, что совокупный прибавочный продукт в российской экономике всегда был очень невелик и как бы размазан в пространстве [Миров 1998, с. 563]. Экстенсивность русского сельского хозяйства выражалась в крестьянской общине как специфическом российском социуме, внутренние законы которого были, очевидно, «тонкой регулировкой» геоэкономического пространства на микроуровне. Своеобразная «лоскутность» геоэкономического пространства России повлекла за собой особую ритмику его «сжатий» и «растяжений»; возникла специфическая география трудового времени. Быт российского крестьянства, который, по меткому определению Милова, носил «мобилизационно-кризисный характер», был завязан главным образом на уборочную страду — своего рода геоэкономический «сгусток» [Миров 1998, с. 418—483]. Этот рваный геоэкономический ритм сопровождался и известными пространственными инверсиями, когда многие русские города представляли собой не что иное, как огороды и сады, но никак не «оппонирующие» сельской местности узлы несельскохозяйственной деятельности [Миров 1998, с. 257—300]. Экстенсивность и «прижатость» геоэкономичес-

кого пространства России к его природно-климатическому фундаменту вела также к его симбиозу с пространством геокультурным, которое фактически «увязало» в деталях примитивных технологий российского земледелия — так, весьма примечательно совпадение границы сарафанов с границей изменений к югу от Москвы ряда чисто производственных приемов при уборке хлеба [Милое 1998, с. 190—214]. Само геоэкономическое пространство России было во многом эфемерным, ибо недолговечные деревянные постройки и еще менее долговечные речные суда (предназначавшиеся всего для одного—двух рейсов) являлись отличным индикатором его малой «глубины» и проработанности. Что же касается рельефа этого пространства, то оно явно было возвышенным на степном юге, где товарное и относительно прибыльное скотоводство использовало более благоприятные природно-климатические условия. Почти натуральное хозяйство центральных российских губерний было своего рода геоэкономической «низиной», куда шел поток продуктов скотоводства с юга.

Вполне очевидно фиксируется связь внутренней структуры и внешних характеристик геоэкономического пространства России. Экстенсивное и малоэффективное российское земледелие явилось исходным пунктом геоэкономической экспансии Российского государства; развитие экспорта продуктов земледелия требовало экспансии политической. Разреженное, сильно подверженное сезонным природно-климатическим ритмам геоэкономическое пространство России стало, как это ни странно, прочной основой имперской экспансии [Милов 1998, с. 567]. Историческая геоэкономика России оказалась глубоко пронизанной геополитическими и геосоциальными структурами как на микро-, так и на макроуровне, причем сами пространства России — это, по сути, продукт длительной интерференции, «волновых процессов» различных структур «маргинального» общества на географической периферии Европы.

Перейдем теперь к историко-географическим аспектам собственно региональной политики и государственного управления в России.

Основная проблема и одновременно *цель* историко-географического исследования региональной политики и государственного управления в России — поиск, выделение, описание и объяснение различных *вариантов взаимодействия структур освоения территории* (то есть целенаправленных действий, которые должны оптимизировать взаимные процессы адаптации человека и территории), вновь формирующихся *территориальных систем населения и хозяйства (ТСНХ)* и возникающих параллельно и достаточно автономно по отношению к ним *структур управления* включаемых в состав государства новых территорий; формирования на базе этого взаимодействия нескольких главных, фундаментальных **архетипов региональной политики государства** по отношению ко вновь присоединяемым территориям. Изучение именно *первоначальных этапов* присоединения и освоения новых регионов в условиях пока относительно несложных формирующихся хозяйственных, социальных, политических и управленческих структур позволяет выделить и проследить основные черты и закономерности функционирования механизма исследуемого взаимодействия. При таком подходе можно представить территорию не как пассивный элемент системы, реципиент или конкретное географическое поле возникновения и развития новых типов и вариантов региональной политики и государственного управления (РПиГУ), но как равноправный, активный элемент, который формирует совместно с центром, во взаимодействии с ним определенные террито-

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

риальные паттерны РПиГУ, — становящиеся своеобразным *золотым фондом* отечественной государственно-региональной мысли. Особенность этого взаимодействия — изменение самой территории, адаптация стержневых структур ее освоения и качественная трансформация самого процесса освоения, видоизменяющегося в ходе выработки *территориального паттерна*, специфического *фрейма*,* который входит автономно в целостную структуру общегосударственного управления.

Наиболее интересные с этой точки зрения объекты исследования — это юг Московского государства во второй половине XVI—первой половине XVII вв., Сибирь в XVII—XVIII вв., Дальний Восток во второй половине XIX—начале XX вв. В качестве дополнительных, «страшающих» объектов исследования можно рассматривать Северный Кавказ во второй половине XVIII—первой половине XIX вв., Среднюю Азию во второй половине XIX—начале XX вв. — как регионы, в которых традиционные архетипы РПиГУ России столкнулись с принципиально иными этнокультурными и цивилизационными установками, проецируемыми на область государственного управления.

Предварительное изучение в качестве исследовательских полигонов трех указанных выше пространственно-временных российских регионов — юга Московского государства, Сибири и Дальнего Востока позволяет сформулировать **проблемные положения** в рамках поставленных целей и задач: 1) формирование специфических территориальных паттернов — это *процесс длительного приспособления* государственного управления к особенностям вновь присоединенной или осваиваемой территории и 2) устойчивые территориальные паттерны формируются, как правило, *в результате нескольких итераций*, которые приближают их основные параметры к оптимальным для определенных территорий и структур конкретного государственного управления.

Первоначальное освоение, географическая, военная и хозяйственная разведка новых территорий, еще не присоединенных к основной территории государства, связаны, как правило, с формированием *точечных, локальных, единичных паттернов РПиГУ*, которые носят исключительно временный, прикладной характер. Функция этих паттернов — нарастить культурный слой, почву для более плотного военного и хозяйственного освоения новых территорий¹ и их официального включения в состав государства. В этих условиях возможно сосуществование на новых территориях двух или более вариантов местного управления, образование «мягкой», не получившей еще твердой оболочки региональной политики центра, которая ориентируется главным образом на стереотипы и установки местного населения. Так, в период до присоединения земель совре-

* «Паттерн» и «фрейм» — понятия из области когнитивной психологии и теории искусственного интеллекта. Паттерн — это определенная обобщенная последовательность действий и решений в какой-либо ситуации или предметной области. Фрейм — это особые структуры данных для понятийного представления стереотипных ситуаций в рамках общего контекста знаний о мире. Использование этих понятий чрезвычайно эффективно для осмысления и понимания особенностей освоения и управления различных территорий России. Территориальный паттерн в данном случае — это определенная обобщенная последовательность действий и решений при первичном освоении и управлении какой-либо территорией или районом. Фрейм территории или района — это особые структуры данных для представления образа территории в рамках общегосударственных региональной политики и управления.

менного российского Черноземья и области Войска Донского центральное московское правительство проводило осторожную избирательную политику по отношению к казачьим сообществам Дона, дополняемую политикой льгот по отношению к поселенцам из старых обжитых районов и постепенным дипломатическим и военным отсечением Крымского ханства, азовцев и Ногайской орды как активных политических и хозяйственных сил, которые действовали на рассматриваемых территориях. Формировался образ *слабоосвоенной территории*, которая выполняла буферные военно-политические функции, служила резерватом вольнонаемной военной силы (казачества) и управлялась опосредованными, косвенными дипломатическими, военными и экономическими методами. Редкая сеть вновь строящихся укреплений, острогов, городов и засечных черт служила остовом, или каркасом более глубокого в перспективе освоения территории и предпосылкой создания более прочных и устойчивых специфических территориальных паттернов РПиГУ.

Этап освоения новых территорий сразу после их включения в состав государства связан с формированием ряда *пробных, поисковых стратегий центра по отношению к новому региону*; при этом центральные властные структуры еще как бы не чувствуют своеобразия территории и осуществляют управленческий нажим на базе старых вариантов и архетипов региональной политики. Так, очень характерными были первые шаги российского правительства по освоению Дальнего Востока в 1850—1860-х годах — учреждение нового казачьего войска, попытка насаждения земледелия на левобережье Амура, учреждение ряда льгот для переселенцев из староосвоенных районов, — которые первоначально были большей частью малоэффективны. Разработка нового, достаточно дробного административного деления Дальнего Востока, усиление внимания к геополитическим аспектам присутствия России на Дальнем Востоке, основание Владивостока и создание крупной тихоокеанской военно-морской базы, образование коммуникативного ритма хозяйственных и политических связей Дальнего Востока с Европейской Россией позволили схематично разработать *принципиально новый территориальный паттерн РПиГУ*, который характеризовался большой ролью военно-нормативных способов и методов государственного управления и пока еще слабой связью с формированием самобытного, специфического образа самого региона. Образование *зазора, щели* между конкретной РПиГУ центра по отношению ко вновь присоединенному и целевым образом осваиваемому району и не соответствующим этой силовой политике уровнем освоения и *реактивной способностью территории* — это **основное противоречие**, коллизия и двигатель развития ситуации в сторону создания адекватного, оптимального варианта территориального паттерна РПиГУ.

В результате проведенного предварительного исследования можно утверждать, что формирование территориальных паттернов РПиГУ — это *историко-географический процесс продолжительностью не менее нескольких десятилетий*, ведущий к созданию принципиально новых географических образов территории и трансформации самого представления о территории.

Исследование историко-географических аспектов РПиГУ необходимо для более глубокого понимания *современных процессов регионального и государственного управления в России*. В условиях быстрой трансформации основных экономических реалий и определенной неустойчивости самих экономических изменений территориальные паттерны РПиГУ являются стержневыми *геоэкономи-*

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

ческими структурами (то есть совокупностью, или алгоритмом определенных действий, которые позволяют сохранять ключевые «управленческие» характеристики территории или региона). **Поддержание или усовершенствование подобных геоэкономических структур** — это наиболее надежный способ разработки адекватных конкретной регионально-управленческой ситуации мер прямого и косвенного воздействия на основные формы регионального «поведения».

Геоэкономические образы являются проекцией той или иной геоэкономической структуры на область сознательно принимаемых управленческих решений, имеющих отношение к какому-либо региону. Необходимость создания и культивирования геоэкономических образов прямо связана с особенностями развития и функционирования геоэкономических пространств, которые, как правило, всегда шире (и с географической, и с экономической точки зрения), чем те территории, на которых они возникают и базируются. Современная геоэкономика основана на понимании относительности существующих государственных и политических границ [Жан К., Савона П. Указ. соч. С. 12—13]. В частности, это особенно связано с проблемой «финансового имиджа» того или иного региона: «...нельзя воздействовать на выбор мировым рынком портфеля инвестиций, но можно проводить политику "финансового имиджа", убедительную для крупных рейтинговых фирм; нельзя предопределить субъекты налогообложения, но можно построить такую фискальную систему, которой субъекты согласятся подчиниться» [Жан К., Савона П. Указ. соч. С. 119]. Нечеткость и как бы размытость границ геоэкономических пространств способствует выделению, или оконтуриванию своеобразных геоэкономических образов, которые выступают в данном случае как их устойчивые ядра.

Формирование геоэкономических образов — это, безусловно, длительный историко-географический процесс. Сама специфика освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода геоэкономических границ: «Развитие "вширь" и связанные с этим переселения, при которых часто не соблюдался принцип соседства (во вновь основанный город переселялись из городов соседей 2—3, но не 1 порядка), способствовали "размытости" и "рыхлости" российских регионов, резко контрастирующих с европейской феодальной структурированностью регионов» [Крылов 1997, с. 35]. Мощность и структурированность конкретного геоэкономического образа (а это основа определенного территориального паттерна РПиГУ), по существу, зависит от его историко-географического фундамента. Возраст территории и ее место в генеалогическом древе территорий [Крылов 1997, с. 37] практически автоматически демаркируют ряд родовых признаков соответствующего геоэкономического образа, позволяя наметить в первом приближении контуры и самого территориального паттерна (который может быть общим для ряда геоэкономических образов).

Современная региональная динамика России и ее основные черты — поляризация пространства, рост столичной ренты, усиление внутренней связанности экономики регионов, разнонаправленность региональной динамики основных секторов экономики [Вардомский 1997, с. 7—8] — по сути дела, есть не что иное, как процесс постепенного обнажения и в то же время явного структурирования ключевых геоэкономических образов России. Кризис экономики и, в известном смысле, государственного управления привел к формированию достаточно широкого поля разнородных геоэкономических образов, которые, как

бы отталкиваясь друг от друга, одновременно и взаимодействуют, обнаруживая в этом процессе структурную неоднородность геоисторического пространства страны. Традиционная типология регионов по отношению к инновациям (креативные, инновативные, адаптивные, консервативные) [Ратнер 1997, с. 61] в этой ситуации фактически тождественна типологии основных геоэкономических образов и в то же время является генетической, поскольку вполне очевидно связана с историко-географическим контекстом освоения определенных регионов.

В данном контексте необходимо обратить особое внимание на концептуальное развитие экономического районирования в России и СССР, которое, с одной стороны, отражало процесс формирования ключевых геоэкономических образов регионов, а с другой стороны, могло так или иначе влиять на характер и особенности этого процесса.

Концептуальное развитие экономического районирования России и СССР (1870—1941 гг.) и геоэкономические образы регионов

На базе наукометрического анализа публикаций в области экономического районирования России и СССР (1761—1941 гг.) [Замятин 1993], исследований методик экономического районирования, особенностей развития научных школ и исследовательских программ и научного сообщества в этой области [Замятин 1996а, 1996б, 1996в, 1998в], а также в результате изучения особенностей цитирования в публикациях ключевых научных работ можно выделить научные концепции, которые функционировали в области экономического районирования в 1870—1941 гг. Критериями для выделения концепций в области экономического районирования были выбраны: 1) тематическая направленность, 2) уровень развития (дотеоретический, теоретический), 3) степень обобщенности основных положений, 4) наличие или отсутствие практических выводов. При изучении истории экономического районирования с целью выделения основных научных концепций районирования выяснилось, что говорить о наличии концепций можно не ранее чем с 1870-х гг. Активное функционирование практически всех выделенных концепций заканчивается на рубеже 1930-х гг. Были выделены следующие **концепции**: 1) **географическая** (основные представители — П.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Л.С. Берг, А.А. Григорьев; 1870—1920-е гг.); 2) **статистико-сельскохозяйственная** (основные представители — А.С. Ермолов, А.Ф. Фортунатов, Д.И. Рихтер, Н.Г. Кулябко-Корецкий, А.И. Скворцов; 1870—1910-е гг.); 3) **интегрального экономического районирования** (Д.И. Менделеев, в дальнейшем некоторые работы Госплана 1920-х гг., Б.Н. Жданов; 1890—1920-е гг.); 4) **организационно-производственная сельскохозяйственная** (А.Н. Челинцев, Б.Н. Книпович, А.В. Чайнов, Н.Н. Кажанов, А.А. Котов, Г.И. Студенский; 1910—1920-е гг.); 5) **планово-управленческая** (Г.М. Кржижановский, И.Г. Александров, К.Д. Егоров, Е.З. Волков и другие представители школы Госплана 1920-х гг., В.И. Муругов; 1920—1941 гг.); 6) **экономико-географическая** (С.В. Бернштейн-Коган, в дальнейшем — Н.Н. Баранский, А.А. Рыбников; 1920—1941 гг.).

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

Причисление ученых к представителям той или иной научной концепции достаточно условно, поскольку один и тот же ученый на протяжении своей научной деятельности может переходить от одной научной концепции к другой. Например, Л.Л. Никитин и Н.Н. Колосовский, которых можно отнести к представителям плано-управленческой концепции в 1920-х гг., впоследствии работали над проблемами экономического районирования, синтезируя плано-управленческую и экономико-географическую концепции. Ученых, придерживавшихся в чистом виде одной из вышеуказанных концепций, было немного (А.Ф. Фортунатов, А.Н. Челинцев, Н.Н. Кажанов, В.И. Муругов). Научная концепция — научное понятие высокого уровня абстракции, использование которого в науковедческих исследованиях позволяет выделить основные закономерности развития той или иной науки. Иллюстрацией отличий между статистико-сельскохозяйственной и организационно-производственной сельскохозяйственной концепциями может служить отзыв о А.Ф. Фортунатове А.Н. Челинцева, в целом уважавшего этого старейшего сельскохозяйственного статистика: «Эмпирик от начала до конца, он следовал правилу "однократных выводов из множественных наблюдений", добродушно-язвительно относясь к обыкновению "множественных выводов из однократных наблюдений". Эта позиция не дала А. Ф. создать какие-либо широкие социологические или хотя бы статистико-экономические концепции. Фактическая эрудиция, эмпирика подавляла в нем теоретика-конструктора» [Челинцев 1925, с. 39—40].

Сравнивая научные концепции в области экономического районирования по отдельным критериям их выделения, можно сделать следующие выводы: 1) Практически ни одна концепция не достигла строго теоретического уровня развития. На достаточно узком научном направлении (сельскохозяйственное районирование) наиболее близко к теоретическому уровню развития подходит организационно-производственная сельскохозяйственная концепция. 2) По наиболее высокой степени обобщенности основных положений можно выделить плано-управленческую, экономико-географическую и географическую концепции. 3) Практические выводы получили наибольшее развитие в организационно-производственной сельскохозяйственной и плано-управленческой концепциях.

Сильное развитие практических выводов научной концепции в сочетании с дотеоретическим уровнем ее развития могут стать предпосылкой или непосредственной причиной стагнации, а затем и деградации такой научной концепции. На наш взгляд, подобное произошло с плано-управленческой концепцией к концу 1920-х гг.

Соотношение уровней развития научных концепций в области экономического районирования условно показано на рис. 1.

Анализ динамики развития научных концепций позволяет наметить основные связи между ними и выделить *этапы концептуального развития экономического районирования (1870—1941 гг.)* (рис. 2). Географическая концепция косвенным образом способствовала развитию сельскохозяйственных (статистической и организационно-производственной) концепций и непосредственно повлияла на возникновение и развитие экономико-географической концепции. Став хорошим субстратом для развития других концепций и не потеряв одновременно своей самостоятельности, географическая концепция оказалась «долгожителем» в истории развития экономического районирования в изучаемый период. Экономико-географическая концепция, будучи во многом результатом синтеза

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

сельскохозяйственная концепции; на **II этапе** (1920—1930 гг.) в качестве таковых можно выделить планово-управленческую, организационно-производственную сельскохозяйственную и экономико-географическую. Если на I этапе получили развитие три концепции, из них две — активное развитие, то на II этапе одновременно развивались пять концепций (статистико-сельскохозяйственная фактически исчезла к началу 1920-х гг.), из них три (указанные выше) заняли доминирующее положение.

Научные парадигмы. На основе понимания понятия парадигмы Т. Куном [Кун 1975] и соотнесения этого понятия с понятиями концепции и научного сообщества выделены **три парадигмы**, действовавшие в области экономического районирования в период 1870—1941 гг.: 1) отраслевая эмпирическая; 2) образно-интуитивная описательная; 3) системно-энергетическая. Следует отметить, что существование парадигмы возможно только при наличии научного сообщества и развивающихся в его рамках научных концепций. Поэтому период активного функционирования парадигм в области экономического районирования можно ограничить 1890—1930 гг. Существование какой-либо конкретной парадигмы не выводится прямо из какой-либо соответствующей концепции; обратное также верно.

Отраслевая эмпирическая парадигма отличается большим вниманием к формально-логической стороне научного исследования; тщательной статистической обработкой большого фактического материала; высоким уровнем владения статистическим методом исследования; малой долей гипотетических, слабоаргументированных утверждений; четкой взаимосвязью методологических, теоретических и методических положений; преобладанием в структуре научных знаний надежно доказанных знаний эмпирического уровня. Отраслевая эмпирическая парадигма наиболее активно функционировала в период 1890—1920 гг.; ее в наибольшей степени отражают стиль научного мышления и структура научной деятельности таких ученых, как А.Ф. Фортунатов, А.Н. Челинцев, Б.Н. Книпович.

Образно-интуитивная описательная парадигма характеризуется высокой культурой словесного описания или характеристики, как правило, уже выделенных районов; высоким уровнем владения картографическим методом исследования; отношением к районированию как к слабоформализуемой задаче и, вследствие этого, представлением районирования как своего рода искусства, принадлежащего опытному ученому-профессионалу; слабым вниманием к методическим аспектам исследования, связанным с их логической и математической проработкой. Образно-интуитивная описательная парадигма (1890—1930-е гг.) наиболее сильно проявилась в стиле научного мышления и в научной деятельности П.П. и В.П. Семеновых-Тян-Шанских, Н.Н. Баранского.

Для *системно-энергетической парадигмы* характерны признание в качестве исходного научного принципа исследования принципа экономии энергии, распространяемого на все живое, в том числе и на объекты общественного происхождения; стремление к системным технико-экономическим научным исследованиям и их быстрому практическому использованию в интересах общества. Системно-энергетическая парадигма, зародившись, по-видимому, в 1900-х гг. вместе с идеей районной государственной политики, получила максимальное развитие в 1920-х гг. Наиболее яркие ученые, действовавшие в основном в рамках этой парадигмы, — это Г.М. Кржижановский, И.Г. Александров, Н.Н. Колосовский.

В целом научное сообщество развивалось до начала 1920-х гг. в условиях приблизительного равновесия и функционирования всех трех парадигм; к середине 1920-х гг. системно-энергетическая парадигма стала преобладающей.

Примером научного подхода к проблеме районирования, связанного с системно-энергетической парадигмой, может служить статья И. Г. Александрова «Экономическое районирование России» (1921), в которой ученый писал: «Районная разработка позволяет установить теснейшую связь между природными ресурсами, навыками населения, накопленными предыдущей культурой ценностями и новой техникой и получить наилучшую производственную комбинацию, проводя, таким образом, с одной стороны, целесообразное разделение труда между отдельными областями, а с другой — организуя область в крупную комбинированную хозяйственную систему, чем достигается, очевидно, лучший хозяйственный результат. Таким образом государство может идти по пути рационального построения всего своего хозяйственного механизма при минимуме затрат, минимуме передвижения и наивыгоднейшей продукции» [Экономическое районирование 1921, с. 42]. Для понимания сущности системно-энергетической парадигмы важна и следующая формулировка целей экономического районирования: «Переоценка соотношений основных подразделений нашего производства неразрывно связана с географическим перераспределением самих производящих областей. В соответствии с естественными ресурсами этих областей и с новым намечающимся складом планомерно обобществляемого хозяйства РСФСР должна быть подразделена на новые экономические округа — предвестники будущих цветущих коммун развернутого строя освобожденного труда» [Кржижановский 1921, с. 10].

Формулировка целей и задач экономического районирования в той или иной научной работе может служить признаком проявления определенной научной парадигмы либо, в крайнем случае, при невозможности точной идентификации, исключения какой-либо парадигмы, не соответствующей данной формулировке. Т. Кун в связи с этой проблемой отмечал: «Сторонники конкурирующих парадигм всегда преследуют, по крайней мере отчасти, разные цели» [Кун 1975, с. 195]. Б.Н. Книпович дал следующее частное определение цели районирования: «Районирование, как и всякая классификационная работа, должна служить целям экономии мысли» [Экономическое районирование 1921, с. 54]. При первом рассмотрении этого определения связку «экономия мысли» можно трактовать как индикатор проявления системно-энергетической парадигмы. Однако содержательный анализ всей статьи Б. Н. Книповича с учетом того, что эта работа напечатана в одном сборнике со статьями И. Г. Александрова и С. В. Бернштейн-Когана и имеет с ними определенные пересечения, позволяет отнести эту работу к результатам действия отраслевой эмпирической парадигмы. Анализ формулировок целей и задач экономического районирования в статье С. В. Бернштейн-Когана из того же сборника «Экономическое районирование России» (1921) позволяет вынести эту работу за пределы действия отраслевой эмпирической парадигмы.

Понятие научной парадигмы в совокупности с понятием концепции можно применять для изучения динамики научной деятельности отдельного ученого, однако требуется особо тщательный и детальный подход к исследованиям подобного рода. Так, научное творчество Б. Н. Книповича по проблемам экономического районирования можно оценить как входящее в сферу действия отраслевой экономи-

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

ческой и системно-энергетической парадигм с преобладанием первой; при этом Б. Н. Книпович придерживался главным образом организационно-производственной сельскохозяйственной концепции и, в некоторой степени, планово-управленческой. Своеобразен научный путь Е. Е. Святловского. Будучи статистиком по образованию, он создает работы по районированию в рамках экономико-географической и географической концепций, большинство из которых можно отнести к сфере действия системно-энергетической парадигмы.

Применение понятия научной парадигмы выглядит более продуктивным при анализе развития научного сообщества и экономического районирования как целостного научного направления. В результате проведенного наукометрического исследования, изучения работ по истории экономического районирования и ключевых научных работ по проблемам районирования в период 1870—1930 гг. можно с достаточной уверенностью утверждать, что сосуществование нескольких научных парадигм в пределах одного научного сообщества на протяжении сравнительно длительного периода является более предпочтительным вариантом развития научного направления, нежели преобладание одной парадигмы (при аналогичных условиях). На наш взгляд, второй вариант достаточно редок, и подобные случаи должны изучаться особо. В истории экономического районирования России и СССР наиболее благоприятным периодом для развития научного сообщества и научного направления в целом был период **1918—1923** гг., когда сравнительно активно функционировали все выделенные ранее парадигмы. К концу 1920-х гг. системно-энергетическая парадигма практически стала единственной для подавляющей части научного сообщества, что во многом способствовало в дальнейшем регрессу научного сообщества и замедлению развития всего научного направления.

Понятие научной парадигмы отражает взаимодействие научного мышления с конкретными общественно-историческими условиями его формирования и развития. В силу известной автономности функционирования науки как общественной подсистемы это взаимодействие опосредованно и не всегда очевидно. Некоторые неформализуемые стороны как научного мышления, так и общественных условий его развития усложняют изучение этого взаимодействия. Использование понятия парадигмы способствует более глубокому изучению подобных процессов.

Геоэкономические образы регионов. Исследование особенностей концептуального развития экономического районирования России и СССР (1870—1941 гг.) позволяет сформулировать и рассмотреть проблему формирования ГЭО регионов.

Развитие геоэкономики как особой научной дисциплины, смежной социально-экономической географии и интенсивно с ней взаимодействующей, ведет к более широкому и глубокому пониманию и интерпретации понятий экономического района и региона. Деятельность крупных рейтинговых фирм и агентств связана, по существу, с созданием *финансовых имиджей* тех или иных стран, территорий и районов [Жан К., Савона П. Указ. соч. С. 119—120]. Денежные и финансовые потоки как бы размывают традиционные политические и экономические границы. В то же время принцип дифференциации как «учет всего многообразия природных, этнических, экономических условий для рационального дробления правового пространства и формирования моделей и правил экономического поведения» [Скопин 1995, с. 13] означает постоянный поиск новых, нетрадиционных политических и экономических границ регионов.

Те научные парадигмы, которые сформировались на протяжении нескольких десятилетий в экономическом районировании России и СССР, могут получить новый толчок к своему развитию благодаря указанным выше процессам. Традиционный экономический район и тем более регион можно представить как *специфический ГЭО*, который аккумулирует в себе характерные и долговременные черты социально-экономического развития определенной территории. Это понятие, по сути, очень близко понятиям *хронотопа экономического района* [Левинтов 1996, с. 54] и *архетипа региона* [Каганский 1995, с. 96]. При подобном

подходе можно в различной степени использовать достоинства и преимущества всех выделенных нами парадигм в экономическом районировании.

Создание и использование ГЭО региона позволяет эффективно разрабатывать так называемые «размытые» экономико-географические типологии [Лейзерович 1995, с. 77]. Это также позволяет учесть «многоуровневость и несовпадение границ регионов в разных аспектах» [Каганский 1996, с. 33]. Сеть, или система наиболее устойчивых и мощных ГЭО регионов в современной интерпретации может представлять собой, по существу, вариант (варианты) экономического районирования территории или страны в целом.

Геоэкономические образы и региональная политика

Региональная политика в настоящее время сталкивается с проблемой выделения своего объекта. Традиционные административно-политические (области, края, республики и т. д.) и экономические (экономические районы и зоны) единицы теряют статус единственно правильных и наиболее эффективных объектов региональной политики и управления. В свою очередь, понятие региональной политики должно быть, безусловно, расширено — прежде всего содержательно. На наш взгляд, региональная политика должна быть не только совокупностью политических принципов, методов, подходов, применяемых по отношению к регионам различных типов и классов, но и быть в целостном, системном понимании **политикой регионов**, *политически мыслить регионами*. Это возможно только при условии сознательного когнитивного конструирования образов регионов, или, в случае региональной экономической политики, — целенаправленных, функциональных ГЭО.

Так, ГЭО Сибири в течение XIX—XX вв. трансформировался неоднократно, воздействуя своими изменениями на государственное управление и региональную политику. Процессы экономического развития юго-западной и юго-восточной частей Сибири, которая охватывала до начала XX в. фактически всю азиатскую часть России, привели к выделению новых самостоятельных административно-территориальных единиц — Степного и Приамурского генерал-губернаторств. Перекройка административных границ в данном случае была основана на реальных изменениях в экономико-географических представлениях о Сибири: «Если в конце XIX в. Сибирь на всем протяжении от Урала до Тихого океана однозначно воспринималась как единая территория, то уже в начале XX в. некоторые авторы экономических обзоров о Сибири начинают сужать ее первоначальные географические границы, исключая из состава сибирских территорий степные и дальневосточные области» [Винокуров, Суходолов 1996, с. 40].

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

Формирование ГЭО может происходить в результате конкретных экономических мер, направленных против региональных производителей. Покажем это опять на примере Сибири.

Введение в начале XX в. челябинского тарифного перелома с целью ограничения поставок дешевого сибирского хлеба в Европейскую Россию привело к появлению жесткого внутреннего экономического барьера. Он оказался невыгоден России с точки зрения ее внешней экономической политики и был отменен в несколько приемов к 1913 г. [Винокуров, Суходолов 1996, с. 305—306]. Однако достаточно длительная борьба на региональных хлебных рынках привела к консолидации и окончательному оформлению важных составляющих ГЭО Сибири — хлебного богатства, значительного сельскохозяйственного района. Челябинский тарифный перелом стал фактически переходным геоэкономическим образом Сибири на промежуточном рубеже ее развития.

Хорошим индикатором динамики ГЭО может служить картографирование административно-территориальных изменений на вновь осваиваемой территории. Карты административно-территориального деления Сибири и Дальнего Востока XIX в. отражают реальный ход и этапы государственного управления этими регионами. Характерно, что некоторые этапы административно-территориальных преобразований Сибири и Дальнего Востока даже не были зафиксированы на мелкомасштабных картах или же в силу быстроты этих процессов не были достаточным образом растиражированы картографически [Алексеев 1982, с. 151]. Пик картографического освоения территории в связи с административно-территориальными изменениями этих регионов приходится на 1850—1860-е гг. [Алексеев 1982, с. 158]. Здесь можно с уверенностью сказать, что расширение территории России на Дальнем Востоке неизбежно вело к ускорению формирования ГЭО Сибири (территориальная экспансия, очевидно, способствует «сгущению» поля ГЭО). Основы сибирского территориального паттерна РПиГУ заложены во многом именно в период 1850—1910-х гг. — между «картографическим взрывом» середины XIX в. и окончательным уничтожением челябинского тарифного перелома.

Формирование ГЭО региона на первоначальной стадии связано с внутренними подвижками в геоэкономических представлениях о данной территории. Население региона, мобилизуемое энергичными экономическими мерами правительства, расширяет, условно говоря, свою территорию. Оживление экономического обмена и торговли приводит к появлению ценностных суждений местного населения о смежных территориях. Например, освоение Приамурья в 1860-х гг. повлекло за собой расширение кругозора и территории экономической деятельности для населения Забайкалья. Развитие извозничества коренным образом изменило геоэкономическую структуру этого района и переориентировало ее вовне, в сторону Приамурья. Характерна в этой связи запись, сделанная в дневнике П.А. Кропоткина в 1863 г. (Кропоткин принимал деятельное участие в первоначальном освоении Приамурья): «Особенно же извозничают крестьяне кабанские, по своему удобному положению между Байкалом, Кяхтой и Читой. При этом, ворча на Амур за те тягости, которые он на них взваливает, особенно же за проходящие команды, они признаются, что Амур принес также громадную пользу; прежде Чита была чем-то совершенно неизвестным в Ильинской волости; чтобы съездить туда, нужно было поднимать образа, слу-

жить молебны; теперь Чита сделалась близко, говорят они. Наконец, и сбыт хлеба должен был до некоторой степени обогатить их. Но главная заслуга Амура в том, что он расшевелил их» [Кропоткин 1992, с. 289]. Однако на этой первоначальной стадии сам формирующийся ГЭО региона представляет собой, скорее всего, лишь мозаику слабо связанных суждений и оценок, и жители пока еще «фантомного» региона не мыслят себя чем-то целым, географическим единством. Так, слово «сибиряк» практически ничего не значило в 1860-х гг. для жителей Забайкалья: «Слово это само по себе слишком неопределенно и ничего не означает именно по своей неопределенности. Можно говорить: крестьянин Верхнеудинского округа и то означая, какой волости, или можно говорить: казак такой-то бригады или батальона и т. п., но не сибиряк, даже не забайкалец. Местные различия слишком велики» [Кропоткин 1992, с. 301].

Структурирование первоначального, еще расплывчатого ГЭО может быть ускорено за счет геополитических усилий центра в осваиваемом регионе. Речь идет в первую очередь о так называемых доминантных линиях [Романов 1997, с. 114]. Строительство Транссиба и КВЖД фактически структурировало Дальний Восток, а дальнейшие таможенные и тарифные меры правительства [Винокуров, Суходолов 1996, с. 306—307] фактически выделили этот район как самостоятельное геоэкономическое пространство. «Геополитическое происхождение» Дальнего Востока способствовало быстрому формированию достаточно простого геоэкономического образа и устойчивого дальневосточного территориального паттерна РПИГУ уже к 1910-м гг.

Таким образом, можно сказать, что российское правительство к началу XX в. имело четко выраженную региональную дальневосточную политику. Подобного рода сибирской региональной политики к этому времени практически еще не было, хотя уничтожение челябинского тарифного перелома означало возможность ее быстрого формирования. ГЭО Сибири, активно складывавшийся во второй половине XIX — начале XX вв., повлиял, очевидно, на региональную политику уже Советского правительства 1920—1930-х гг.

Ключевые стратегии историко-географических образов России

Выделим в итоге ключевые стратегии историко-географических образов России.

Первая стратегия — сквозная, или идеологическая. В рамках этой стратегии вычленяется образный стержень (pivot) системы. Фактически маркируются несколько наиболее существенных, важных историко-географических образов, которые объединяются в одну цепочку. Создание такой цепочки обеспечивает эффект образной мультипликации. Например, подобную цепочку создают масштабные образы Византии, Золотой орды и Балто-Черноморской оси. На мой взгляд, такая цепочка очень эффективно, образно характеризует становление России, прежде всего идеологически. Предложенные здесь в связке образы можно назвать также историко-географическими идео-образами.

Вторая стратегия заключается в выделении пересекающихся образно-географических полей. Это глубинный, более неявный подход. Суть данной стратегии — «растекание вширь», стремление учесть максимальное количество воз-

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

можных образов, а также и их качество, структурность. По сравнению с первой стратегией вторую стратегию можно назвать более глобальной.

Попробуем эскизно применить метод образно-географических полей к анализу историко-географической карты России в очень сложный, переломный период XVII—XVIII вв. Здесь следует в первую очередь выделить Европейское образно-географическое поле, в рамках которого вполне очевидно структурируются образы Польши, Украины, Швеции, Скандинавии, Турции, Австрии. Затем оконтуривается Черноморско-Кавказское образно-географическое поле, в котором рассматриваются образы Крымского ханства, Турции, Дикого поля, политических и государственных образований Северного Кавказа, укрепленных линий, казачьих областей (область Войска Донского, Терское казачье войско, позднее Черноморское казачество). Наконец, выявляется Сибирское (Азиатское) образно-географическое поле, в котором присутствуют и анализируются как самостоятельные образы по преимуществу ресурсных территорий — тайги, острогов, ясака, а также образы окраинных для России государств — Китая и Японии.

Третья стратегия связана с более детальным, частным выделением локальных образно-географических зон развития России; иначе — подход с помощью образно-географических ключей. При использовании этой стратегии ищутся узловые точки во времени и пространстве, в которых происходят столкновение, взаимодействие и/или интенсивное развитие историко-географических образов. Такой узловой точкой, например, было Верхневолжье XIII—XV вв., где столкнулись два колонизационных потока — новгородский и московский (немного ранее — владими́ро-суздальский). Позднее, в ходе масштабного освоения русскими северо-востока Европы сформировались, безусловно, ключевые историко-географические образы Русского Севера и севера европейской части России. Для понимания закономерностей политического и культурного становления Московского государства XIV—XVI вв. и формирования его образно-географической системы крайне важны локальные историко-географические образы Великого Устюга, Перми Великой; ключевых речных артерий, таких, как Шексна, Сухона, Юг; региона Белоозера, многочисленных монастырей, сыгравших решающую хозяйственную и политическую роль в процессе вытеснения более древних образов этих территорий — например, пришедших из Скандинавии в ходе проникновения сюда викингов (образ Биармии) [Макаров 1997; Любавский 1996; Джаксон 2001].

Образное историко-географическое изучение специфики формирования и развития России, несомненно, очень важно, поскольку позволяет понять сущность этого развития, «проникнуть внутрь» самих закономерностей. В то же время подобное изучение дает представление о возможностях научного прогноза развития России и вариантов ее государственности и региональной организации — коль скоро она продолжает существовать и функционировать в тех или иных современных инвариантах. Вернее, следует говорить о проектировании, целенаправленном конструировании историко-географических образов России и манипулировании ими во внешней и внутренней политике государства (государств) в интересах отдельных политических акторов, социальных групп и организаций.

Литература

- Абашии С.Н.* Империя и местное самоуправление: идеология реформ в русском Туркестане в конце XIX — начале XX вв. // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М.: МОНФ, 2001.
- Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. первая: Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
- Вардомский Л.Б.* Региональное измерение российской реформы // *Проблемы регионального развития. Модели и эксперименты.* М.: Институт географии РАН, 1997.
- Ведерникова Н.* Гончарный промысел д. Хлуднево / *Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки* / Ред.-сост. *Е.Д. Андреева*; науч. ред. *Н.Е. Ржавинская.* М.: Институт Наследия, 1999.
- Вернадский Г.В.* История России. Тверь: ЛЕАН, М.: Аграф, 1996—1997.
- Винокуров А.В., Суходолов А.П.* Экономика Сибири. 1900—1928. Новосибирск: Наука, 1996.
- Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Тт. 1-2. М.-Л., 1913-1941.
- Грузински С.* Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // *Международный журнал социальных наук.* 1993. № 1.
- Дергачев А.* Украина в современных геополитических преобразованиях // *Политические исследования.* 1998. № 3.
- Джаксон Т.Н.* AUSTR И GЦРPUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М.: Ин-т российской истории РАН, 2000.
- Ермолаев М.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: изд-во Казанского ун-та, 1982.
- Жан К., Савона П.* Геоэкономика. Господство экономического пространства. М.: Ad marginem, 1997.
- Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки* / Ред.-сост. *Е.Д. Андреева*; науч. ред. *Н.Е. Ржавинская.* М.: Институт Наследия, 1999.
- Замятин Д.Н.* Наукометрический анализ развития экономического районирования России и СССР (1761 — 1941 гг.) // *Известия РАН. Серия географическая.* 1993. № 4.
- Замятин Д.Н.* Использование науковедческих подходов при оценке методик экономического районирования России и СССР (1870—1930 гг.) // *География и природные ресурсы,* 1996а. № 1
- Замятин Д.Н.* Научные школы и исследовательские программы в области экономического районирования России и СССР (1870—1941 гг.) // *Известия РАН. Серия географическая,* 1996б. № 5.
- Замятин Д.Н.* Особенности процесса познания в области экономического районирования России и СССР (1870—1930-е гг.) // *География и природные ресурсы.* 1996в. № 4.

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

- Замятин Д.Н.* Моделирование геополитических ситуаций (на примере Средней Азии во второй половине XIX в.) // Политические исследования. 1998а. № 3.
- Замятин Д.Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998б. № 6.
- Замятин Д.Н.* Развитие научного сообщества в области экономического районирования России и СССР (1900—1930 гг.) // География и природные ресурсы. 1998в. № 1.
- Замятин Д.Н.* Географические образы регионов и политическая культура общества // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999а.
- Замятин Д.Н.* Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова "Чевенгур" // Вопросы философии. 1999б. № 10.
- Замятин Д.Н.* Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионология. 1999в. № 1.
- Замятин Д.Н.* Историческая география России. Программа учебного спецкурса // Вестник исторической географии. № 1. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999г.
- Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999д.
- Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000а. № 5.
- Замятин Д.Н.* Национальные интересы как система "упакованных" политико-географических образов // Политические исследования. 2000б. № 1.
- Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000в. № 1.
- Замятин Д.Н.* Власть пространства // Вопросы философии. 2001а. № 9.
- Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти. Географические образы и геополитика // Независимая газета. 2001б. 10 июня.
- Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001в. № 1.
- Замятин Д.Н.* Геополитика в XX веке // Политические исследования. 2001г. № 6.
- Замятин Д.Н.* Геополитические образы современного мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. 2001д. № 11.
- Замятин Д.Н.* Многоликость современного мира // Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001е.
- Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001ж. № 8.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Пространство российского федерализма // Политические исследования. 2000. № 5.
- Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972.
- Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М.: Мысль, 1982.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.
- Зимин А.И.* Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2000.
- Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

- Игрицкий Ю.И.* Восточноевропейское цивилизационное пространство в XXI в. // Европа на пороге XXI в.: ренессанс или упадок? М.: ИНИОН РАН, 1998.
- Ильин М.В.* Проблемы формирования "острова России" и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 1.
- Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997.
- Ильин М.В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Политические исследования. 1998. № 3.
- Империя пространства. Геополитика и геокультура России. Хрестоматия / Авт.-сост. *Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин.* М.: РОССПЭН, в печати.
- Колосов В.А.* "Примордиализм" и современное национально-государственное строительство // Политические исследования. 1998. № 3.
- Лебедев Г.С.* "Скандовизантия" и "Славопоркика" как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. 1995. № 3.
- Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961.
- Каганский В.Л.* Проблемно-конфликтная структура как основа типологии регионов // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М.: Институт географии РАН, 1995.
- Каганский В.Л.* Регионы в постсоветском пространстве // Российские регионы в новых экономических условиях. М.: Институт географии РАН, 1996.
- Кинятина Н.С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4.
- Кирдина С.Г.* Политические институты регионального взаимодействия: пределы трансформации // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
- Колесник Е.* Песенный фольклор в репертуаре этнографического ансамбля "Млада" / Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки / Ред.-сост. Е.Д. Андреева; науч. ред. Н.Е. Ржавинская. М.: Институт Наследия, 1999.
- Королев С.* Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // Дружба народов. 1997. № 12.
- Кржижановский Г.М.* Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии. Вып. 1. Вступление. Работы секций: учета и распределения, топливной, транспортной, промышленной, сельскохозяйственной, секции по районированию. М.: Мос. гор. совет нар. хозяйства, 1921.
- Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М.: Советская Россия, 1992.
- Крылов М.П.* Понятие "регион" в культурном и историческом пространстве России // География и региональная политика. Ч. 1. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
- Левинтов А.Е.* Естественно-искусственная типология регионов // Российские регионы в новых экономических условиях. М.: Институт географии РАН, 1996.
- Лейзерович Е.Е.* Экономико-географические типологии регионов и районов // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М.: Институт географии РАН, 1995.
- Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
- Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. М.: Скрипторий, 1997.

Стратегии интерпретации историко-географических образов России

- Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V-XIV века. М.: Янус-К, 1998.
- Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2001.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1998.
- Мошес А.* Геополитические искания Киева // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 2.
- Мушина Р.* Березичский стекольный завод А.Д. Оболенского: возможно ли прошлое в будущем? / Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки / Ред.-сост. *Е.Д. Андреева*; науч. ред. *Н.Е. Ржавинская*. М.: Институт Наследия, 1999.
- Никитина С.* Молокане-переселенцы Калужской области / Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки / Ред.-сост. *Е.Д. Андреева*; науч. ред. *Н.Е. Ржавинская*. М.: Институт Наследия, 1999.
- Носов Н.Е.* Очерки истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М., 1957.
- Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998.
- "Особая папка НГ" № 3. Приложение к "Независимой газете". 1999. 25 августа.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М.: Наука, 1988.
- Пащикова Т.Н.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000.
- Пивоваров Ю.С.* Русская мысль, Система русской мысли и Русская система (опыт критической методологии). Статья первая // Русский исторический журнал. Т. 1. Зима 1998а. № 1.
- Пивоваров Ю.С.* Русская мысль, Система русской мысли и Русская система (опыт критической методологии). Статья вторая // Русский исторический журнал. Т. 1. Лето 1998б. № 3.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Екатерина II, Самодержавие и Русская Власть // Русский исторический журнал. Т. 1. Осень 1998а. № 4.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. Т. 1. Зима 1998б. № 1.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. Т. 1. Лето 1998в. № 3.
- Ратнер Н.М.* Экономическая политика на территориальном мезо- и микроуровне // Проблемы регионального развития. Модели и эксперименты. М.: Институт географии РАН, 1997.
- Рафиенко Л.С.* Компетенция сибирского губернатора в XVIII веке // Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX—начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск: Омский ун-т, 1997.

- Ремнев А.В.* Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001а.
- Ремнев А.В.* Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М.: МОНФ, 2001б.
- Родоман Б.Б.* Основные типы географических границ // Географические границы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982.
- Романов М. Т.* О роли доминантных линий в укреплении геостратегического положения России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // География и региональная политика. Ч. 1. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Язык русской культуры, 1997.
- Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
- Салимое И.* Импровизация холодных форм // Новая Юность. 1997. № 5—6 (26—27).
- Семенов С.* Ибероамериканская и восточно-евразийская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2.
- Скопин А.Ю.* Региональная политика и проблемное районирование России // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М.: Институт географии РАН, 1995.
- Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. *Б.С. Ерасов.* М.: Аспект Пресс, 1998.
- Страда В.* Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5—6 (26—27).
- Суворова Н.Г.* Оформление низовой административно-территориальной структуры Сибирского региона Российской империи (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001.
- Цунчук Р.А.* Российская империя как система "центр—регионы": генезис, развитие, кризис // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М.: МОНФ, 2001.
- Цымбурский В.Л.* Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Политические исследования. 1993. № 5.
- Цымбурский В.Л.* "От великого острова Руси..." (К прасимволу российской цивилизации) // Политические исследования. 1997. № 6.
- Челинцев А.Н.* Памяти А.Ф. Фортунатова (Некролог) // Сельскохозяйственная жизнь, 1925. № 8.
- Черенков Л.* Цыгане Центральной России: вчера и сегодня / Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки / Ред.-сост. *Е.Д. Андреева*; науч. ред. *Н.Е. Ржавинская.* М.: Институт Наследия, 1999.
- Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2001.
- Щуров В.* Песни Козельского Полесья / Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки / Ред.-сост. *Е.Д. Андреева*; науч. ред. *Н.Е. Ржавинская.* М.: Институт Наследия, 1999.
- Экономическое районирование России. Материалы Подкомиссии по районированию при Государственной общеплановой комиссии СТО. М., 1921.